

МОРАЛЬНЫЙ БЛАТ

18+

Стивен Марш

Моральный БЛАТ

<https://litres.ru/74297777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его «моральный блат» — доступ к закрытой информации и право на ложь во имя добра — был его главным оружием. Пока однажды он не взялся за дело, которое изменило всё.

Джек Морган — гениальный адвокат, который превратил ложь в искусство. Для суда — циничный хищник. Для семьи — заботливый сын и идеальный жених. Для себя — человек, который больше не знает, где заканчивается притворство и начинается правда.

И если вам станет интересно, что будет дальше — книга ждёт вас.

Содержание

Глава	4
Вступление	4
Глава 1. Завтрак адвоката	7
Глава 2. Хищник в своей стихии	12
Глава 3. Семейный ужин	18
Глава 4. Клиент, который меняет всё	23
Глава 5. Раздвоение	30
Глава 6. Ложь ради любви	36
Глава 7. Первая трещина	40
Глава 9. Дом на окраине	46
Глава 10. Двойное дно	49
Г	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Стивен Марш

Моральный БЛАТ

Глава

Вступление

В Спрингфилде, штат Иллинойс, дождь идет не так, как в других городах. Здесь он не смывает грязь, а лишь размывает её по асфальту, делая город похожим на старую, застиранную фотографию. Влажный воздух пахнет дешевым бензином с заправки на углу Мэйн-стрит и жареным луком из закусочной, которая держится на плаву только благодаря ночным сменам полицейских. Это не Чикаго, где гремит настоящая большая игра; это его забытая тень — место, где амбиции задыхаются от недостатка кислорода, а громкие дела случаются раз в десятилетие.

Именно здесь Джек Морган выбрал себе поле боя.

Он часто говорил себе, что мог бы уехать. Что его диплом Гарварда, его отточенный, как лезвие бритвы, ум и та природная харизма, которая заставляет присяжных забывать о здравом смысле, открыли бы ему любые двери в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе. Но большие города — это жизнь на

скорости, где ты — лишь винтик в машине правосудия. А здесь, в Спрингфилде, он был королем. Некоронованным, грязным, но абсолютным властелином маленького мира, где закон — это всего лишь сценарий, а он — его главный режиссер.

Его жизнь была хрупким карточным домиком, построенным из недомолвок, ловких уловок и той сладкой лжи, которую он преподносил близким как горькую правду, от которой он их спасает. Джек убедил себя в том, что он — спаситель. Он спасает мать от шока реальности, спасает Лизу от циничной правды о своем ремесле, спасает клиентов от электрического стула. Но правда, та самая, что прячется за тяжелыми шторами его кабинета, была проста, как выстрел: он спасал только самого себя.

«Моральный блат» — так он называл это про себя. Термин, который он придумал однажды ночью, когда, перечитав Кафку, понял, что его жизнь — это абсурдный суд, где он одновременно и жертва, и палач. Блат как доступ к закрытой информации, к потайным дверям в законе, которые никто, кроме него, не видит. И блат как моральная индульгенция — его личное разрешение на ложь, манипуляции и сделки с совестью. Он считал, что держит равновесие. Что балансирует между добром и злом, как канатоходец, у которого вместо шеста — его слова.

Но он забывал, что равновесие лжи невозможно по определению. Оно хрупко. Оно рушится от одного лишнего ду-

новения ветра. И ветер этот уже поднимался на горизонте, неслышно приближаясь к его уютному, такому привычному хаосу, чтобы смести всё, что он так тщательно строил.

Глава 1. Завтрак адвоката

В шесть утра Спрингфилд встретил Джека Моргана запахом мокрого шифера и прелой листвы. Он стоял у плиты в своей тесной, идеально чистой кухне, где каждая кастрюля висела на строго отведенном ей месте, и помешивал деревянной лопаткой яичницу-болтунью. Свет, пробивающийся сквозь запотевшее окно, делал его темные волосы пепельными, а глубокие морщины у губ — особенно заметными. Ему было тридцать восемь, но он чувствовал себя на все пятьдесят — внутри, там, где пряталась усталость, которую не могли скрыть даже его дорогие, тщательно отглаженные рубашки.

На столе, между чашкой черного кофе и тарелкой с тостами, лежал диктофон. Старая модель, еще на кассетах, которую он использовал только для «черновых» мыслей. Джек ненавидел диктовать в телефон — слишком легко было случайно отправить запись не туда или оставить цифровой след. Лучшая ложь всегда рождается там, где нет свидетелей.

— Алиби на вечер двадцать третьего октября, — произнес он размеренным, почти сонным голосом, одновременно взбивая яйца венчиком. — Клиент находился в баре «У Сэма» с восьми до одиннадцати. Свидетели: бармен Майк, которого мы подмазали на пять сотен, и официантка Роза, которая ничего не помнит, но согласится присягнуть, что ви-

дела его, если мы закроем глаза на то, что её сын торгует травкой у школы. Два свидетельства дают алиби. Факты не важны. Важно — нарратив.

Он нажал «Паузу» и перевернул омлет, слушая, как шипит масло. Запах яиц смешивался с дорогим одеколоном, который он купил в прошлом месяце в Чикаго. Это был его ритуал: сначала запах победы (аромат денег и уверенности), потом — запах дома.

— Джек, ты опять разговариваешь сам с собой?

В дверях стояла Лиза. Сонная, в его старой фланелевой рубашке, с растрепанными рыжими волосами, рассыпавшимися по плечам. Учительница литературы, женщина, которая видела в нем рыцаря. Каждое утро, глядя на неё, Джек чувствовал укол совести, который он привычно забивал дозой виски или работой. Но сегодня он улыбнулся той самой улыбкой — широкой, искренней, на которую уходило почти столько же энергии, сколько на защиту в суде.

— Привет, соня, — сказал он, ловко перекладывая омлет на тарелку. — Я диктовал заметки для дела. Ты же знаешь, я как тот самый присяжный из твоего любимого Диккенса — всегда готовлюсь за завтраком.

— Боже, только не начинай про Диккенса, — она подошла и чмокнула его в щеку, пахнущую мятным кремом для бритья. — У меня сегодня экзамены по «Большим надеждам». Я и во сне их вижу.

— Эстетка, — он пододвинул к ней тарелку. — Пип, меж-

ду прочим, тоже жил ложью.

Лиза засмеялась, садясь за стол, и Джек увидел, как солнечный свет на мгновение остановился на её кольце с аметистом. Он подарил его ей в прошлом году за то, что она купила ему редкое первое издание Кафки. Тогда кольцо стоило три тысячи. Сейчас в его кармане лежал чек на десять тысяч, но кольца, которое действительно бы значило что-то, у него всё еще не было. Пока.

— Ты сегодня спасешь чью-то жизнь? — спросила она, отпивая кофе и глядя на него поверх чашки. В её глазах светилась вера. Абсолютная, слепая, опасная.

— Конечно, милая, — ответил Джек, пододвигая к ней солонку. — Каждый день я спасаю кого-то. Это моя работа.

Внутренний голос, холодный и циничный, тут же добавил: «Спасу того, кто заплатит. Платит хорошо. Платит вовремя».

Он отвернулся, чтобы помыть сковороду, но его рука замерла над раковиной, когда зазвонил его старый, выдавший виды телефон на кухонном подоконнике. Определитель номера высветил имя, от которого у Джека пересохло во рту: «Мама».

— Я возьму на кухне, — сказал он, извиняясь, и нажал зеленую кнопку. — Привет, мам. Ты рано.

— Джек, сынок, я тебя разбудила? — голос матери был старческим, но цепким, как у бывшей медсестры, которая всю жизнь привыкла контролировать ситуацию. — Я звоню

по поводу взноса за дом престарелых. Ты обещал перевести деньги на счет еще во вторник, а мне сегодня позвонили и сказали, что оплата не прошла.

Джек закрыл глаза и прислонился лбом к холодному кафелю стены. В его голове мгновенно пронеслась картина недельной давности: как он стоял в банке, с конвертом в руке, на котором было написано «Взнос за маму». И как в тот же вечер он встретился с судебным приставом Мартином — толстым, вечно потным человеком, который требовал «компенсацию за задержку» по делу одного автомобильного магната. Взнос, шесть тысяч долларов, ушли на подкуп.

— Мам, — голос его был удивительно ровным, даже веселым, — ты же знаешь этот банк, они такие бюрократы. Я перевел деньги еще вчера. Просто по какой-то причине обработка платежей занимает до сорока восьми часов. Какой-то новый регламент.

— Правда? — в голосе матери послышалось облегчение. — А они мне сказали, что если до пятницы не заплатят, то увеличат пеню.

— Не будут они ничего увеличивать, — заверил Джек, глядя в свое отражение в микроволновке. Искаженное, с вытянутым лицом и пустыми глазами. — Я же адвокат, мам. Я знаю их правила. Если что — я пришлю им официальное письмо на бланке. Они сразу прикусят языки.

— Сынок, ты мой золотой мальчик, — голос матери потеплел. — Ты такой заботливый. Я знаю, как тебе тяжело там

одному.

— Всё хорошо, мам. Я справлюсь.

Он положил трубку и глубоко выдохнул. Пять минут спустя он уже сидел за столом напротив Лизы, которая доедала омлет и рассказывала про экзамены, а Джек кивал, поправляя манжеты. «Это я её щит, — думал он, глядя на улыбающуюся женщину. — Правда разрушит их мир. Значит, я буду лгать. Я несу эту ношу. Я сильный».

Но когда он поднялся, чтобы надеть свой любимый синий костюм, который он гладил каждое утро сам, потому что не доверял химчистке, он заметил, что его руки слегка дрожат. Джек сжал кулаки, заставив пальцы замереть. Только не сегодня. Сегодня у него — дело. Сегодня он снова будет богом.

Глава 2. Хищник в своей стихии

Зал суда третьего округа Спрингфилда был залит тем особенным, больничным светом, который делает лица людей плоскими и белыми, как у покойников. Высокие потолки, пыльные гербы Иллинойса и тяжелые дубовые скамьи — здесь всё было пропитано ложью, которую Джек Морган научился превращать в искусство. Сегодня у него было дело о мошенничестве: его клиент, владелец автосалона «Тройной А» мистер Гарольд Хиггинс, обвинялся в том, что продал более двух десятков автомобилей с серьезными дефектами, предварительно скрутив пробег и замаскировав следы аварий.

Улики были железными. Прокурор, молодой щеголь по имени Эдвард Трэвис, тащил в зал папку за папкой: показания экспертов, фото двигателей, свидетельские показания обманутых вдов и ветеранов, которые отдали свои сбережения за «автомобиль мечты» и получили груду металлолома. Джек сидел за столом, расслабленно поглаживая кончик галстука, и слушал обвинительную речь с почти скучающим видом. Хиггинс, толстый коротышка в мятом пиджаке, нервно пытался рядом, но Джек жестом велел ему молчать.

Когда пришла очередь защиты, Джек поднялся не спеша, одернул пиджак и прошел к трибуне. Он не смотрел на прокурора, он смотрел на присяжных. Четыре женщины и во-

семь мужчин — средний возраст за сорок, причем двое сидели в заднем ряду, сложив руки на груди, с явным скепсисом. Он заметил, как одна из присяжных, полная женщина в очках, то и дело поглядывает на прокурора с явной симпатией. «Опасная зона», — подумал Джек и перевел взгляд на стенографистку.

— Ваша честь, — начал он, и его голос наполнил зал мягким баритоном, в котором не было ни капли агрессии. — Прокурор Трэвис проделал колоссальную работу. Позвольте мне поблагодарить его за это. Он принес сюда фотографии, документы и даже эмоциональные заявления от потерпевших. Но это всё — декорации. Театр. Потому что ни одно из этих доказательств не доказывает главного: а именно, что мой подзащитный действовал с умыслом.

Он перевел дыхание и зафиксировал взгляд на присяжном номер шесть — мужчине с добрым лицом, который работал учителем в старшей школе. Джек знал, как работают учителя: они ненавидят несправедливость, но терпеть не могут циничных обвинителей.

— Вы видите перед собой монстра? — спросил Джек, указывая на Хиггинса, который старательно изображал раздавленное существо. — Я вижу перед собой человека, который ошибся. У которого был бизнес, который пошел ко дну. Который, как и многие из нас, пытался выжить. Да, он не досмотрел. Да, он проявил халатность. Но хотите ли вы отправить человека в тюрьму за халатность, когда рядом с ним си-

дит женщина, чей единственный свидетель — это обида на бывшего мужа?

Вот здесь Джек сделал свой коронный ход. Он вызвал главного свидетеля обвинения — пожилую леди, которая купила у Хиггинса машину для своего сына-инвалида. Миссис Филпот, приятная женщина, вся в кружевном воротничке, которая пришла в суд с надеждой на справедливость. Джек знал, что она недавно развелась. Значит, в ней тлеет обида на мужчин. Он решил сделать её орудием своей защиты.

— Миссис Филпот, — начал он, наклоняясь к ней с сочувствием, — вы говорили, что мистер Хиггинс продал вам машину, которая не заводилась зимой. Это страшно. Я сочувствую вашему сыну. Но скажите мне: в тот день, когда вы подписывали договор, вы видели у мистера Хиггинса его техника? Вы спрашивали, проверяли ли автомобиль перед продажей?

— Я... — миссис Филпот замялась. — Я не знаю, что я должна была спросить! Он сказал, что все проверено!

— Он сказал? — улыбнулся Джек, сверкнув белоснежными зубами. — А где в договоре купли-продажи, — он поднял документ, — написано слово «проверено»? Покажите мне. Вы читали договор, прежде чем подписать его?

— Ну... я...

— Вы не читали, — мягко, почти ласково продолжил Джек. — Потому что там мелкий шрифт. Но это не ваша вина. Это не вина мистера Хиггинса. Это вина системы. Одна-

ко, скажите мне, миссис Филпот, разве ваш бывший муж не был механиком?

В зале повисла тишина. Глаза присяжных расширились. Прокурор Трэвис дернулся, пытаясь возразить, но Джек уже катился по наклонной, как тяжелый валун.

— Видите ли, я нашел информацию, что ваш бывший муж, мистер Роберт Филпот, работал в автосервисе напротив автосалона «Тройной А». Он мог бы посмотреть машину. Он мог бы сказать вам: «Не бери эту». Но он этого не сделал, верно? Вы развелись горько. Он не захотел вам помогать. И теперь вы пришли обвинять в своей боли чужого человека?

Миссис Филпот покраснела до корней волос, её руки задрожали. Она сжала кружевной платок в кулаке и выкрикнула, забыв о судебном этикете:

— Как вы смее! Это совсем другое! Вы не знаете, что он со мной сделал! Вы не имеете права!

Судья дважды стукнул молотком. Джек развел руками, глядя на присяжных с выражением «вы всё слышали».

— Ваша честь, — сказал он громко. — Я не хочу использовать боль миссис Филпот. Я просто хочу показать, что здесь нет умысла. Есть цепь случайностей, недосмотров и личной драмы. Мой клиент, мистер Хиггинс, продал машину, но он не заставлял миссис Филпот подписывать договор вслепую. Это был её выбор. Свободный выбор взрослой женщины.

Через сорок минут присяжные вернулись с вердиктом: «Не виновен».

В коридоре, когда Хиггинс тряс его руку, рассыпаясь в благодарностях, Джек чувствовал привычный холодный триумф. Победа была на вкус, как дешевый виски — терпкая, обжигающая, но пустая. Он проводил клиента и уже собирался уйти, как к нему подошел старик в поношенном пальто — отец одного из потерпевших, того самого ветерана, который отдал последние деньги за сломанный фургон.

— Ты — мусор, Морган, — прошептал старик, заглядывая ему в глаза с такой ненавистью, что у Джека на миг перехватило дыхание. — Ты не адвокат, ты убийца. Ты убиваешь веру людей в справедливость. Когда-нибудь ты сгниешь в своей собственной лжи.

Джек не ответил. Он только улыбнулся той же безупречной улыбкой и прошел мимо, чувствуя, как старик смотрит ему в спину. Войдя в свой пустой кабинет — небольшое помещение с выдавшими видами креслами и бюстом Линкольна на полке, — он закрыл дверь, щелкнул замком и подошел к зеркалу, висевшему на стене.

Он смотрел на свое отражение: черные волосы, зачесанные назад, морщины у глаз, дорогой пиджак, безупречная улыбка. «Победитель», — подумал он. «Я выиграл. Опять. Они все против меня, но я выигрываю. Старик не прав. Мусор — это те, кто проигрывает. Я — архитектор. Я строю этот мир по своему усмотрению».

Он провел пальцем по стеклу, стирая воображаемое пятно. И в этот момент он не увидел в отражении ни лжи, ни страха. Он видел только власть. Власть над фактами, над судьями, над жизнями. Джек Морган был здесь королем, и ни одна моральная проповедь не могла лишить его этого трона.

Глава 3. Семейный ужин

Родительский дом Джека находился на окраине Спрингфилда, на тихой улице, засаженной старыми кленами, которые в это время года облетали, устилая газон золотой коркой. Это был дом, где прошло его детство, где по коридорам до сих пор пахло свежим печеньем и дешевым табаком отца. Томас Морган, бывший полицейский, который вышел на пенсию десять лет назад, был человеком старой закалки. Он считал, что в мире есть черное и белое, а закон — это не игра, а святая святых. Ирония судьбы заключалась в том, что Томас никогда не знал, кем стал его сын. Он верил, что Джек работает в «муниципальном департаменте по правовым вопросам» и помогает людям оформлять страховки.

Джек въехал на своем «форде» с пробегом на подъездную дорожку, заглушил двигатель и замер на минуту, глядя на освещенные окна. Там, внутри, за столом, сидели его родители, которые гордились им. И это чувство было для Джека одновременно бальзамом и ядом. Он не мог жить без их уважения, но каждый раз, чтобы его получить, он должен был топтать собственную правду.

Лиза осталась дома — у неё была мигрень. «Так даже лучше», — подумал Джек, открывая входную дверь и тут же попадая в объятия запаха домашней индейки и картофельного пюре. Мать, Мэри Морган, высокая, слегка сутулая женщи-

на с седыми волосами и ясными глазами, тут же засуетилась вокруг него.

— Джек, сынок! Ты голодный? Я знаю, ты не любишь есть на бегу, я специально зажарила твою любимую грудку, — она поцеловала его в щеку, и Джек почувствовал знакомый укол вины. Её ладони были сухими и теплыми, такими же, как в детстве.

— Мам, я же говорил, не надо ждать меня. Я мог задержаться в суде.

— Ничего, ты же наш главный добытчик, — улыбнулся отец из гостиной, где сидел в своем потертом кресле-качалке и читал вечернюю газету. Томас был грузным, с натруженными руками и седой щетиной, которая всегда казалась небритой, даже когда он брился. Он отложил газету, снял очки для чтения и прищурился на сына. — Как там твоя бумажная волокита, сын? Все страховки оформляешь?

— Всё по плану, пап, — Джек подошел и пожал отцу руку, крепко, по-мужски, стараясь не смотреть в сторону газеты, где на второй полосе красовался заголовок: «Владелец автосалона оправдан благодаря адвокату Моргану».

Он перевел дыхание. За ужином мать накладывала ему гигантские порции, приговаривая, что он слишком худой, что работа в суде его иссушает, и что ему надо жениться на Лизе уже, наконец. Джек слушал её вполуха, кивал, ел и пытался наслаждаться моментом, но где-то в глубине сознания пульсировала мысль о тех шести тысячах, которые он не перевел

на её счет.

— Кстати, Джек, — вдруг сказал отец, прожевав кусок индейки, и его голос стал серьезным, почти официальным. — Я вчера разговаривал с Эдди, который работает в окружном суде. Он упомянул, что слышал твое имя в связи с делом этого... как его, Хиггинса. Того самого владельца автосалона.

У Джека внутри всё оборвалось. Он поднес ко рту стакан с водой, чтобы выиграть время. Мать удивленно посмотрела на мужа, а потом на сына.

— Джек, — повторил отец, отодвигая тарелку. — Ты ведь не защищал эту мразь, правда? Я читал про это дело в газете. Продавал старые машины, как новые. Обманул полгорода. Ты же не работал на него?

Джек поставил стакан на стол. Его лицо оставалось абсолютно невозмутимым. Он даже позволил себе легкую, снисходительную улыбку, как будто отец сморозил что-то смешное.

— Пап, — сказал он, и голос его звучал мягко, как шелк, — ты же знаешь, я работаю в муниципалитете. Я не веду дела частных клиентов. Меня перепутали с моим бывшим коллегой, Джейком Морриссоном. Мы с ним похожи по фигуре. Он сейчас защищает эту публику, а я был на стороне потерпевших. Я даже давал консультации прокуратуре по этому делу, чтобы они построили обвинение сильнее.

Мать тут же вздохнула с облегчением и перекрестилась:

— Слава Богу. А я уж думала, что ты связался с этим безобразием. Ты же у меня всегда был правильный, как отец.

Томас нахмурился, но его лицо смягчилось. Он снова взял вилку, но всё ещё смотрел на сына с какой-то странной, отцовской подозрительностью, которая была старше любых слов.

— Значит, перепутали, — повторил он медленно. — А я смотрю в газете фотографию, и мне кажется — ну вылитый ты. Те же глаза. Та же улыбка.

— Пап, газеты печатают чёрно-белые снимки, да еще и с ракурса. Все адвокаты похожи друг на друга, когда в костюмах. Это как копы, вы все одинаковые на фото, — Джек усмехнулся, подмигнув матери, чтобы разрядить обстановку.

— Ты прав, — кивнул Томас, но его левая бровь слегка дернулась, как это всегда бывало, когда полицейский нюх брал верх над отцовской любовью. — Ну, дай Бог, чтобы так. Потому что если бы я узнал, что мой сын, которого я учил честности, защищает жуликов, я бы... я бы не пережил, наверное.

— Пап, не переживай, — сказал Джек, накладывая себе добавки, чтобы скрыть побелевшие пальцы. — Твой сын всегда на правильной стороне. Я ж с твоими генами. Правда и только правда.

Он чувствовал, как внутри нарастает тошнота, идущая из самого нутра — там, где совесть, которую он почти убил, еще

цеплялась за жизнь, высасывая из него последние силы. Когда ужин закончился, он помог матери убрать посуду, постоял у газовой плиты, глядя в окно на темнеющий сад, и глубоко вздохнул. Он вдохнул холодный воздух, который врывался в форточку, и тот обжег легкие, как спирт.

«Я их щит, — повторял он про себя, словно мантру. — Я спасаю их от этого уродливого мира. Правда разрушит их спокойствие. Всё, что я делаю, я делаю ради них. Потому что если они узнают, кто я есть на самом деле — они умрут. А я не позволю им умереть. Значит, я продолжу лгать. Лгать красиво. Лгать с любовью».

Он вышел из дома под тихое «приезжай еще, сынок» и сел в машину. Но прежде чем завести двигатель, он опустил голову на руль, стиснув зубы. В салоне пахло кожей и виски, который он прятал в бардачке. Джек открыл его, открутил пробку и сделал глоток прямо из горлышка.

— Ты — жалкий актер, Морган, — прошептал он сам себе. Но тут же встряхнул головой, сжал челюсти и завел мотор. Завтра у него новая встреча. Новый клиент. Новая ложь.

Глава 4. Клиент, который меняет всё

Следующий день начался для Джека не с кофе, а с резкого, настойчивого звонка в дверь его офиса, который раздался ровно в восемь утра. Секретаря у него не было — он не мог позволить себе нанять человека, который бы видел и слышал слишком много, и это была его принципиальная позиция: ни одной живой души за порогом святая святых, кроме него самого. Поэтому когда дверь, которую он забыл запереть на ночь, открылась от сквозняка, Джек едва не выронил кружку с обжигающим черным кофе.

На пороге стоял мужчина лет сорока пяти, одетый в слишком большой для него бежевый плащ, который, казалось, был куплен ещё в прошлом веке. Он был невысок, с залысинами на лысеющей голове, с бледным, испуганным лицом бухгалтера, который всю жизнь сидел над цифрами, а теперь вынужден был говорить за себя. Его тонкие пальцы нервно сжимали края потрепанной кожаной папки, из которой торчали какие-то бумаги. Звали его Скотт Хейл.

— Мистер Морган? — голос Скотта был тихим, почти шепотом, словно он боялся, что кто-то подслушивает их за дверью. — Простите, что так рано. Я не мог спать. Мне сказали, что вы — единственный в городе, кто берется за безнадеж-

ные дела.

Джек окинул его взглядом профессионального оценщика. Этот человек не был похож на клиента с деньгами. Его плащ был дешевым, ботинки — поношенными, а под глазами залегли такие темные круги, что казалось, будто он не спит уже неделю. «Бесплатный клиент», — мелькнула циничная мысль в голове Джека. «Или тот, кто принесет проблемы». Но он уже давно усвоил правило: самый страшный клиент часто выглядит как жертва, а самый выгодный — как нищий.

— Проходите, мистер Хейл, — сказал Джек, указывая на стул напротив своего стола. — Садитесь. И рассказывайте. У вас есть десять минут, пока я не уехал в суд.

На самом деле суда не было, но Джек всегда говорил это, чтобы сразу обозначить доминирование и чтобы клиент не расслаблялся и говорил по существу.

Скотт сел на краешек стула, как воробей на проводе, и начал, запинаясь:

— Меня обвиняют в убийстве. В непредумышленном. Они говорят, что я убил своего коллегу, Генри Уолша. Но я не убивал. Я клянусь вам, мистер Морган, я не убивал. Я даже мухи не могу обидеть, я же бухгалтер, я работаю с цифрами. Как я могу кого-то убить?

— Успокойтесь, — Джек откинулся на спинку кресла, крутанувшись на стуле, и закинул ногу на ногу. — Сначала по фактам. Где и когда?

Скотт открыл папку дрожащими руками и протянул Джеку копии полицейского протокола. Джек пробежал их глазами, быстро улавливая суть. Тело Генри Уолша было найдено в офисе строительной компании «Мидас Констракшн» в ночь на прошлую пятницу. Причина смерти — удар тупым тяжелым предметом по голове. Орудие не найдено. Офис, по словам самого Скотта, закрывался в десять вечера; он остался допоздна, чтобы сдать месячный отчет. На камерах видеонаблюдения его засняли уходящим в одиннадцать вечера, а тело Уолша нашли утром. Но была загвоздка: на месте преступления нашли часы Скотта, которые он потерял неделю назад, и волосы, которые предварительная экспертиза определила как его.

— Часы, — Джек положил бумаги на стол. — Скажите, мистер Хейл, когда вы потеряли часы?

— Неделю назад, — сглотнул Скотт. — Я... я даже не знаю, где я их потерял. Может быть, в машине, может быть, в офисе. Но я не был в кабинете Уолша в ту ночь!

— А где вы были в ту ночь?

— Я... я был на месте преступления, — выдавил Скотт, и его голос стал еще тише. Он побледнел до состояния мела, и Джек увидел, как на лбу выступила испарина. — Я говорю вам правду, потому что вы адвокат. Я должен сказать правду. Я был там, но я не убивал. Я видел, кто убил.

Наступила тишина. Даже старые часы на стене, казалось, замерли. Джек почувствовал, как его внутреннее чутье, тот

самый «блат», который он называл интуицией, забил тревогу. Он наклонился вперед, сложив руки на столе.

— Кого вы видели, мистер Хейл? — спросил он медленно, чеканя каждое слово.

— Я видел Виктора Стоуна, — прошептал Скотт, и его глаза наполнились ужасом, почти паникой. — Мистер Стоун, тот самый олигарх, который владеет всем в городе — и «Мидасом», и половиной банков, и даже телеканалом. Я видел, как он стоял над телом Генри с тяжелым стальным пресс-папье в руках. Генри был его партнером. Они, кажется, не поделили деньги. И теперь Стоун хочет подставить меня. Он знает, что я всё видел.

Джек откинулся назад. Внутри него закипал холодный азарт хищника, который чует дичь, но одновременно с этим — липкий страх. Виктор Стоун. Это имя было произнесено в Спрингфилде только шепотом. Это был человек, который держал в кулаке всю экономику: от строительства дорог до поставок продуктов в школы. Без его одобрения не открывался ни один бизнес, и даже мэр трижды звонил ему перед выборами. Взять дело против Стоуна — значит подписать себе смертный приговор в этом городе. Но защищать Стоуна? Это значило стать самым богатым и самым ненавистным адвокатом в округе.

Джек снова посмотрел на Скотта, который ловил каждое его движение с надеждой утопающего.

— Вы понимаете, что вы только что сказали? — спросил

Джек, его голос стал ледяным. — Если это всплывет, в этом городе не останется камня на камне. Стоун уничтожит вас. Он уничтожит вашу семью, вашу репутацию, вашу собаку и даже вашу почту. И меня заодно, если я возьмусь за это.

— Я знаю, — Скотт заплакал. — Но я не убивал. У меня нет денег, чтобы уехать. У меня нет никого, кроме вас. Говорят, вы можете обыграть дьявола. Мистер Морган, я не прошу вас спасти меня от Стоуна. Я прошу вас спасти меня от электрического стула. Пожалуйста.

Джек поднялся и подошел к окну, глядя на серое, дождливое утро, которое обливало улицы Спрингфилда. У него был выбор. Два пути, как два ножа, острых и смертельных.

Первый: он может защищать Скотта, пойти против Стоуна, поднять шум, вызвать ФБР. Но это значит разрушить экономику города, потерять всех влиятельных друзей, рисковать жизнью и, самое страшное, разрушить ту красивую ложь, в которой живет Лиза и его мать. Они не поймут, почему он рискует всем ради какого-то бухгалтера.

Второй: он может позвонить Стоуну, сказать, что знает всё, и предложить свои услуги за «нейтрализацию» дела. Стоун заплатит баснословные деньги, чтобы Скотт либо замолчал, либо «вспомнил» другую версию событий. Это выгодно. Это безопасно. Это те самые деньги, на которые можно купить дом для матери и кольцо для Лизы, о котором она мечтает.

Джек сжал пальцы в кулак, почувствовав, как адреналин и

страх борются в его крови. Он повернулся к Скотту и увидел в его глазах ту самую абсолютную веру, которую он так привык видеть в глазах матери и Лизы. И вдруг он понял, что не может сделать выбор. Он не может выбрать прямо сейчас. Он должен потянуть время. Он должен играть на два фронта.

— Хорошо, мистер Хейл, — сказал он, и его голос звучал ровно, спокойно, как у настоящего спасителя. — Я беру ваше дело. И я буду биться до конца. Вы — мой клиент, и я сделаю всё, чтобы вы вышли сухим из воды. Даю вам слово.

Скотт заплакал от облегчения и схватил его руку. Джек похлопал его по плечу, кивая с сочувствием. Но когда Скотт вышел за дверь, Джек не пошел в суд. Он сел за стол, открыл ящик и достал другой телефон — дешевый, «одноразовый», который он купил в ларьке за наличные.

Он набрал номер, который знал наизусть, но никогда не использовал.

— Привет, — сказал он в трубку, когда на том конце ответил низкий, властный голос. — Это Джек Морган. Я хотел бы встретиться с мистером Стоуном. Скажите ему, что у меня есть информация, которая его касается. Лично. И что я открыт к диалогу.

Он положил трубку, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он лгал Скотту, обещая ему защиту. Он лгал себе, думая, что сможет обмануть Стоуна. Но он знал, что его «Моральный блат» теперь достиг той точки кипения, когда равновесие больше не держится. Он начал игру, где все ставки

были удвоены, и где не было ни одного выигрышного хода. Но Джек Морган всегда верил, что сможет перехитрить всех. Даже самого себя.

Глава 5. Раздвоение

Через два часа после ухода Скотта Хейла Джек Морган сидел в своем кабинете с таким видом, будто только что проглотил стакан битого стекла. Он перебирал в голове варианты, как шулер колоду карт, и каждый новый расклад был хуже предыдущего. В левом ящике стола лежала папка Скотта с его показаниями; в правом — его личный блокнот, куда он записывал контакты людей, к которым можно было обратиться «за крышей». Сейчас ему нужна была именно крыша, но он понимал, что Стоун — это не просто человек, это система. Бросить вызов системе — значит стать врагом номер один для всех, кто кормится из её рук.

И всё же, когда в три часа дня в дверь его офиса постучали, и на пороге появился высокий, подтянутый мужчина в черном пальто, с холодным лицом наемника, Джек не удивился. Это был Джейкоб Рис — личный помощник и, по слухам, тень Виктора Стоуна. Он не поздоровался, не сел, просто положил на стол Джека визитку, на которой золотым тиснением было выбито: «Виктор Стоун. Деловые интересы».

— Мистер Стоун ждет вас завтра в девять утра в своем загородном доме, — произнес Рис стальным голосом. — Приходите один. Без диктофонов, без записывающих устройств. Если вы придете с «жучком», вы оттуда не выйдете.

— Я адвокат, — улыбнулся Джек с той самой наглой улыб-

кой, которая обычно обезоруживала оппонентов. — Я ношу диктофон только в суде. Для разговоров с бизнесменами у меня есть память.

Рис не ответил. Он развернулся и вышел так же бесшумно, как вошел, оставив после себя запах дорогого одеколона и тревоги.

Джек остался один. Он поднял визитку, повертел её в пальцах и понял, что переступил черту. Еще вчера он был просто королем маленького судебного мирка, а сегодня он балансировал на лезвии бритвы между бухгалтером, который смотрит на него как на спасителя, и олигархом, который смотрит на всех как на муравьев.

«Ничего, — сказал он себе, наливая очередную порцию виски в граненый стакан. — Я умею это делать. Я буду говорить Скотту одно, а Стоуну другое. Я скажу Стоуну, что я «нейтрализую» дело, возьму деньги, а потом... а потом я что-нибудь придумаю. Может, я тайно сливаю информацию в ФБР, а может, запугиваю Стоуна так, что он сам признается. Есть ведь способ переиграть обоих».

Но внутри, там, где пряталась его последняя честность, Джек знал правду: он не переиграет. Он просто откладывает взрыв. Он как сапер, который перерезает провода, не глядя на схему.

На следующее утро, в половине девятого, он уже был в своем кабинете, когда ему позвонил Скотт Хейл. Голос бухгалтера дрожал от волнения:

— Мистер Морган! Спасибо вам. Я вчера почти не спал, думал о том, что вы согласились. Вы не представляете, что это для меня значит. Моя жена... она плакала от счастья, когда я сказал, что у меня есть адвокат, который не боится.

— Мистер Хейл, — голос Джека был ровным и уверенным, как у опытного врача, который говорит пациенту, что операция пройдет успешно, хотя сам держит скальпель дрожащей рукой. — Я хочу, чтобы вы знали: я уже начал собирать материалы. Я встречаюсь сегодня с одним человеком, который может дать нам информацию о Стоуне. Держитесь. Не разговаривайте с полицией без меня. И помните — я с вами до конца.

— До конца, — прошептал Скотт с благоговением. — Спасибо, мистер Морган. Вы мой ангел-хранитель.

Джек положил трубку и почувствовал, как его желудок сжался в узел. «Ты лжешь ему, — сказал внутренний голос. — Ты лжешь ему так же, как лжешь матери и Лизе. Но он-то думает, что ты его спасаешь». Джек сжал челюсти и нажал на кнопку быстрого набора на своем тайном телефоне. Там был номер Риса, который тот оставил на визитке.

— Передайте мистеру Стоуну, — сказал он в трубку, — что я готов к диалогу. Но я хочу обсудить не только «нейтрализацию». Я хочу обсудить цену, которую он готов заплатить, чтобы дело исчезло навсегда.

Он специально сказал «исчезло» — это слово оставляло лазейку. Исчезнуть может дело, а может и свидетель. Джек не

собирался убивать Скотта, но он хотел, чтобы Стоун думал, что он готов на всё. В этом была суть его игры: дать каждому из игроков то представление о нем, которое им выгодно.

В девять утра он стоял у ворот загородного дома Стоуна — огромной неоклассической виллы, утопающей в вековых дубах, с собственной пристанью и вертолетной площадкой. Запах денег здесь был настолько плотным, что его можно было резать ножом. Сам Виктор Стоун оказался невысоким, коренастым мужчиной лет шестидесяти, с умными, холодными глазами бизнесмена, который привык, что мир вращается вокруг него. Он сидел в кожаном кресле в своем кабинете с панорамными окнами, выходящими на озеро, и пил зеленый чай.

— Мистер Морган, — сказал Стоун, не предлагая ему сесть, пока Джек сам не опустился на стул. — Мне сказали, что вы знаете нечто, что касается меня. Я не люблю, когда обо мне знают то, что я сам не говорил.

— Я знаю, что вы были в офисе «Мидаса» в ночь убийства Генри Уолша, — сказал Джек прямо, глядя в глаза олигарха без тени страха. — И я знаю, что вы держали в руках тяжелый предмет. И что мой клиент, Скотт Хейл, видел вас.

Стоун не дрогнул. Он лишь слегка прищурился, как удав, который оценивает, насколько опасна мышь перед ним.

— И что вы предлагаете, мистер Морган? — спросил он ледяным тоном.

— Я предлагаю вам выкупить у меня это знание, — Джек

позволил себе улыбнуться, но улыбка была деловой, без тепла. — Я могу сделать так, чтобы мой клиент «забыл» ваше лицо. Я могу найти ему алиби на ту ночь. Я могу даже наметнуть полиции на другого подозреваемого — например, на какого-нибудь бездомного, который ошивался рядом. Всё, что я прошу — это сумма, которая покроет мои риски и обеспечит мне молчание.

— Вы шантажируете меня? — Стоун наклонил голову.

— Я предлагаю сделку, — поправил Джек. — Шантаж — это когда вы ничего не получаете взамен. А здесь вы получаете гарантию, что ваше имя не всплывет ни в одном суде. Вы получаете спокойствие. Я получаю оплату за свои услуги. Мы оба довольны. Это бизнес.

Стоун долго молчал, изучая Джека взглядом рентгена. Затем он медленно кивнул.

— Двести тысяч долларов, — сказал он. — Наличными. Вы получаете половину сейчас, половину — когда дело будет закрыто. Но если я узнаю, что вы играете в две игры, мистер Морган, я не заплачу вам. Я просто уничтожу вас. И вашу семью. У меня есть ресурсы, которых у вас нет.

— Я не сомневаюсь, — сказал Джек, поднимаясь и застегивая пиджак. — Но я тоже не дурак. Мы встретимся через неделю. Я приведу дело к тому состоянию, когда оно перестанет существовать. А вы принесете деньги. Удачи, мистер Стоун.

Он вышел из виллы с холодным потом на спине. Внутри

него всё кричало о том, что он только что продал не только Скотта, но и самого себя. Но он заглушил этот крик привычным аргументом: «Это ради семьи. Ради Лизы. Ради матери. Я делаю это для них».

Глава 6. Ложь ради любви

Вечером того же дня Джек вернулся домой с тяжелой головой и пустым кошельком, но с чеком на первую половину суммы — сто тысяч долларов, которые Стоун отдал ему «в знак доверия» сразу после разговора. Деньги были наличными, в кейсе, который он спрятал под сиденьем машины, потому что не доверял банкам и уж точно не доверял Лизе, которая могла случайно увидеть банковскую выписку.

Он вошел в квартиру, скинул плащ и наткнулся на Лизу, которая стояла посреди гостиной с раскрасневшимся лицом и сжатыми кулаками. На журнальном столике лежал чек — тот самый, который он случайно оставил во внутреннем кармане пиджака, когда вчера переодевался. Лиза, которая всегда стирала его вещи, потому что заботилась о нем, нашла его.

— Джек, — сказала она, и голос её дрожал, но не от гнева, а от растерянности. — Что это? Сто тысяч долларов? Откуда у тебя столько денег? Ты же говорил, что в этом месяце у тебя были только мелкие дела. Ты сказал, что мы едва сводим концы с концами!

Джек замер. Его мозг, который всегда работал на скорости процессора, мгновенно перебрал сотню вариантов объяснений. Он мог сказать правду — но это значило разрушить всё. Он мог сказать, что это гонорар от анонимного клиента, но

Лиза знала, что он не берет такие суммы за «муниципальные дела». Он должен был придумать что-то красивое, что-то, что оправдало бы его в её глазах и превратило бы его в героя, а не в мошенника.

И он придумал.

— Лиза, — сказал он мягко, подходя к ней и беря её за руки. — Я хотел сделать это по-другому. Я хотел пригласить тебя в ресторан, заказать шампанское и сказать это при свечах. Но, видимо, судьба решила иначе.

Он опустился на одно колено прямо в гостиной, на ковре, который они купили в прошлом году на распродаже, и достал из кармана ту самую коробочку с кольцом, которое он купил несколько недель назад, но всё никак не решался подарить. Кольцо было с бриллиантом — не огромным, но настоящим, на который ушли почти все его сбережения. Джек купил его давно, когда еще верил, что сможет заработать честно.

— Лиза, — продолжил он, глядя на неё снизу вверх с таким выражением, которое он отрепетировал для самых важных судебных речей, но сейчас оно было искренним, как никогда. — Я копил на это кольцо почти полгода. Я брал дополнительные дела, работал по ночам, консультировал по телефону клиентов в выходные. Я хотел, чтобы у тебя было всё самое лучшее. Эти деньги — это то, что я заработал, но я не говорил тебе, потому что хотел сделать сюрприз. Это мой гонорар за одно большое дело, которое я завершил на прошлой неделе. Я не хотел, чтобы ты думала, что я хвастаюсь.

Я просто хотел, чтобы ты знала: я люблю тебя больше всего на свете, и я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Лиза ахнула и прижала ладони к щекам. Она смотрела на кольцо, на его глаза, и слёзы потекли по её лицу — слёзы счастья, облегчения, любви. Она упала на колени рядом с ним, обхватила его за шею и зарыдала в плечо.

— Джек, ты дурак, — прошептала она сквозь смех и слёзы. — Ты мог бы сказать мне. Я бы не ждала никакого сюрприза. Я просто хочу быть с тобой. И да, да, да, я согласна!

Он надел кольцо ей на палец, и она смотрела на него, сияя, как ребенок, которому подарили весь мир. Джек обнимал её, чувствуя, как её тепло проникает сквозь его ледяную кожу, и на секунду ему показалось, что он действительно заслуживает этого счастья. Что его ложь — это не зло, а всего лишь инструмент, чтобы сохранить этот момент навсегда.

Но когда она убежала на кухню, чтобы открыть шампанское, которое они держали для особого случая, Джек остался стоять посреди гостиной и посмотрел на своё отражение в темном стекле балконной двери. Он увидел там счастливого жениха с влажными глазами, но под этой маской он видел и другое: человека, который только что купил любовь на деньги убийцы. Который соврал женщине, которая поверила ему безоговорочно, и сделал это с улыбкой.

«Если я сломаюсь, — подумал он, глядя на своё отражение, — я потеряю это мгновение навсегда. Значит, я не сломаюсь. Я пойду до конца. Ради неё. Ради матери. Ради того,

чтобы они никогда не узнали правды».

Он вытер глаза и пошел на кухню, где Лиза уже разливала шампанское, напевая что-то счастливое. Он чокнулся с ней, поцеловал её и сделал большой глоток, чувствуя, как игристое вино смешивается с горечью внутри. Он решил, что это — его новый рубеж. Он будет лгать еще лучше. Он будет играть еще тоньше. Он выкрутится. Он всегда выкручивался.

Глава 7. Первая трещина

Прошла неделя. Джек балансировал между Скоттом, Стоуном и своей новой ролью счастливого жениха с невероятной ловкостью циркача. Он встречался со Скоттом в кабинете, делая вид, что собирает доказательства против Стоуна, и даже снял несколько фальшивых показаний у людей, которые «якобы видели Стоуна» в офисе. Он передал эти бумаги Стоуну как доказательство своей полезности, одновременно уверяя олигарха, что он «держит всё под контролем». Деньги потекли рекой: вторая половина гонорара уже лежала в его тайнике, и Джек начал ощущать головокружение от собственного могущества. Он мог купить всё. Он мог решить всё. Он был богом.

Но боги часто падают, потому что перестают замечать мелочи.

В пятницу вечером, когда они с Лизой сидели в ресторане, празднуя помолвку, Джек заметил, как дверь открылась, и вошел человек, которого он никогда не хотел видеть в своей жизни. Это был отец Скотта Хейла — старый, седой мужчина с изможденным лицом, который работал сторожем в том самом офисе «Мидаса». Он подошел к их столику, и его глаза горели странным огнем.

— Мистер Морган, — сказал он, не обращая внимания на Лизу, которая удивленно смотрела на него. — Я знаю, что вы

делаете. Я знаю, что вы встречались со Стоуном. Мой сын рассказал мне, что вы его адвокат, но я вижу, как вы разъезжаете на новой машине. Откуда у вас деньги?

Лиза напряглась, её взгляд метнулся к Джеку. Сердце Джека пропустило удар, но он сохранил ледяное спокойствие.

— Мистер Хейл, — сказал он тихо, — я понимаю ваше беспокойство. Но я не могу обсуждать дела своего клиента в общественном месте. Давайте встретимся завтра в моем офисе.

— Нет, — старик покачал головой, и в его голосе послышалась глухая угроза. — Вы не понимаете. Стоун заплатил вам, чтобы вы похоронили дело моего сына. Я был свидетелем того, как его люди забрали улики из офиса. Я всё знаю. И если вы не остановитесь, я пойду в полицию. Я всё расскажу.

Он развернулся и вышел, оставив за собой гнетущую тишину. Лиза смотрела на Джека с расширенными глазами.

— Джек, что это было? Кто этот человек? И что за «деньги»? — её голос дрожал, но теперь в нем звучала не любовь, а холодное, нарастающее недоверие.

Джек понял, что его идеальный карточный домик начал шататься. Он не знал, как долго он сможет удерживать равновесие. Но он знал одно: он не может позволить себе упасть. Не сейчас. Не после всего, что он построил.

Он улыбнулся Лизе той же безупречной улыбкой и накрыл её руку своей.

— Это просто сумасшедший клиент, — сказал он мягко.
— Не обращай внимания. Я всё улажу. Ты же знаешь, я всегда всё улаживаю.

Но его пальцы дрожали, когда он подносил бокал к губам.

Глава 8. Старик, который не молчит

Ночь после скандала в ресторане прошла для Джека в аду собственного воображения. Он лежал рядом с Лизой, которая, наконец, уснула после долгих расспросов и его заверений, что «всё будет хорошо», но её дыхание было неровным, а рука, которую она положила ему на грудь, казалась тяжёлой, как свинец. Он смотрел в потолок и прокручивал в голове лицо старика Хейла. У него были глаза человека, который потерял всё и которому нечего терять. Такие люди — самые опасные. Они не торгуются, они не боятся, они просто идут до конца, потому что за их спиной уже не осталось ничего, что можно было бы разрушить.

Джек встал в пять утра, когда за окном ещё было темно, и прошёл на кухню, стараясь не шуметь. Он открыл свой тайный телефон и набрал номер Риса. Тот ответил с пятого глотка, голос его был сонным и раздражённым.

— У вас проблемы, мистер Морган? — спросил Рис без приветствия.

— У нас проблемы, — поправил Джек, стараясь говорить шёпотом, чтобы не разбудить Лизу. — Отец Скотта Хейла знает о нашей сделке. Он был свидетелем того, как ваши люди забирали улики из офиса. Он угрожает пойти в полицию.

Мне нужна ваша помощь. Или помощь мистера Стоуна. Мы должны его заткнуть.

— Заткнуть? — в голосе Риса послышалось что-то похожее на усмешку. — Вы адвокат, мистер Морган. Вы должны знать, что «заткнуть» свидетеля — это подсудное дело. Но я передам мистеру Стоуну вашу озабоченность. Он свяжется с вами.

Рис отключился, и Джек остался стоять в темноте кухни, сжимая телефон так, что побелели костяшки пальцев. Он чувствовал себя мухой в паутине: каждое его движение заставляло паука натягивать нити, и он не знал, какая из них порвётся первой.

В восемь утра он уже сидел в своём кабинете, когда в дверь постучали. Джек ожидал увидеть Риса или Стоуна, но на пороге стоял сам Скотт Хейл — бледный, дрожащий, с красными от бессонницы глазами. Он был один, без своей потрёпанной папки, и в руках держал только скомканный носовой платок, который он нервно теребил.

— Мистер Морган, — начал он, и его голос срывался на хрип, — я должен вам кое-что сказать. Мой отец... он вчера приходил к вам в ресторан. Я узнал об этом от матери. Я не знаю, что он вам наговорил, но я умоляю вас, не обращайтесь на него внимания. Он старый, он больной, он не понимает, что делает. Он думает, что вы на стороне Стоуна.

— Мистер Хейл, — Джек поднялся из-за стола и подошёл к нему, положив руку на плечо с отеческой заботой, которую

он научился симулировать до совершенства, — я понимаю вашего отца. Он боится за вас. Но я хочу, чтобы вы знали: я работаю на вас. Я не работаю на Стоуна. Всё, что я делаю — я делаю для того, чтобы вы вышли из этого дела чистым. Ваш отец увидел только верхушку айсберга. Он не знает всей стратегии.

— Стратегии? — Скотт поднял на него глаза, полные наивной веры, которая уже начинала трескаться. — Но он сказал, что вы ездите на новой машине. Что у вас появились деньги. Откуда они?

— Это мои личные сбережения, — соврал Джек без запинки. — Я продал свой старый «форд» и добавил небольшую премию за прошлое дело. Я не хотел, чтобы вы волновались. Но если вы не доверяете мне, я могу передать ваше дело другому адвокату. Хотя, если честно, я не думаю, что кто-то в этом городе рискнёт взяться за вас против Стоуна.

Скотт побледнел ещё больше. Он схватил Джека за рукав, и его пальцы дрожали.

— Нет, нет, не передавайте. Я верю вам. Просто... я боюсь. За себя, за отца, за мать. Стоун — это монстр. Он может уничтожить нас всех.

— Я вас защищу, — сказал Джек, глядя ему прямо в глаза. — Я дал вам слово. Адвокат Морган всегда держит слово.

Когда Скотт вышел, Джек закрыл дверь, прислонился к ней лбом и выдохнул. Внутри него что-то оборвалось. Слово. Какое слово? Он дал слово Скотту, но он дал слово и Сто-

уну. Он дал слово Лизе, матери, даже себе. И все эти слова были ложью. Он превратился в человека, чья профессия — говорить правду в суде, но чья жизнь — это сплошной фарс. Он думал, что сможет контролировать этот фарс, но сейчас он понял, что пьеса писалась не им, и он даже не знал, кто режиссёр.

В тот же день, около полудня, на его телефон пришло сообщение от неизвестного номера. Текст был коротким, без подписи: «Твой клиент — проблема. Реши её. Или мы решим за тебя. Цена вопроса — твоя шкура».

Джек прочитал сообщение три раза, и каждый раз его сердце билось всё быстрее. «Реши её» — что это значило? Заставить Скотта замолчать? Заставить старика замолчать? Или... что-то более страшное? Он не хотел думать об этом, но его воображение рисовало картины одна страшнее другой. Он сжал телефон в руке и принял решение: он поедет к старику Хейлу. Лично. Он попробует договориться. Он купит его молчание. У него есть деньги — сто тысяч, которые Стоун уже заплатил. Он отдаст их все, если надо, но заткнет эту трещину, которая уже начинала разрушать его идеальный фасад.

Глава 9. Дом на окраине

В четыре часа дня Джек стоял перед ветхим деревянным домом на самой окраине Спрингфилда, там, где асфальт переходил в гравий, а гравий — в грязь. Дом старика Хейла был похож на него самого — старый, обветшалый, но ещё державшийся на честном слове. Двор был завален старыми шинами и ржавыми железками, и только чахлый куст сирени у крыльца напоминал о том, что здесь когда-то жила семья.

Джек постучал в дверь, и через минуту она открылась. Старик стоял на пороге в застиранной рубашке и тренировочных штанах, сжимая в руке стакан с дешёвым виски. Он посмотрел на Джека без удивления, как будто ждал его.

— Пришёл добить меня, адвокат? — усмехнулся он, но в его усмешке не было веселья. — Или принёс мне деньги за молчание?

— Я пришёл поговорить, мистер Хейл, — сказал Джек, стараясь говорить спокойно, хотя его руки тряслись. — Я понимаю вашу боль. Вы боитесь за сына. Но я хочу вам сказать: он в безопасности. Я не позволю Стоуну его тронуть.

— Не позволишь? — старик громко рассмеялся, и его смех был похож на кашель. — Ты, жалкий адвокатишка, который продан за горсть долларов? Ты думаешь, я не знаю, что ты уже взял деньги от Стоуна? Что ты шантажируешь его, а заодно и моего сына? Ты — двуличная змея, Морган.

Ты хуже Стоуна. Потому что Стоун хотя бы не притворяется святым.

— Мистер Хейл, — Джек сделал шаг вперёд, и его голос стал твёрже, почти угрожающим, — я пришёл сюда как адвокат вашего сына. Я не хочу вам зла. Но если вы пойдёте в полицию, вы не поможете Скотту. Вы только усугубите его положение. Вы же знаете, как работает система. Стоун купит судью, купит прокурора, и тогда Скотт сядет на электрический стул не за то, что он убил, а за то, что он видел. Я не хочу этого. Но я не могу этого остановить, если вы начнёте действовать на эмоциях. Поверьте мне, я знаю эту систему изнутри. Я лучше всех знаю, как в ней выжить.

Старик посмотрел на него долгим, испытующим взглядом, и Джек увидел в его глазах что-то, чего он боялся больше всего — не гнев, а смирение. Это было страшнее, потому что смиренные люди не борются. Они просто ждут конца.

— Ты прав, адвокат, — сказал старик тихо. — Я не могу помочь своему сыну. Я старый дурак, который думал, что правда победит. Но правда не побеждает. Она просто существует, и все её закапывают. Иди. Я не пойду в полицию. Но я хочу, чтобы ты знал: я буду смотреть на тебя. Каждый день. И если мой сын пострадает, я найду способ сделать так, чтобы ты тоже страдал. Даже если мне придётся убить тебя своими руками.

Он закрыл дверь, и Джек остался стоять на крыльце, чувствуя, как осенний ветер пронизывает его насквозь. Он по-

бедил. Он заставил старика замолчать. Но эта победа была горькой, как отравы. Он знал, что купил молчание страхом, а не убеждением, и что страх имеет свойство превращаться в ненависть.

Он сел в машину, закурил сигарету, которую не курил уже два года, и смотрел на дом старика, пока тот не исчез в темноте. Он думал о том, что его жизнь сейчас — это игра в покер, где он ставит на кон всё, включая свою душу, и что рано или поздно его блеф раскроют. Но он не мог остановиться. Он уже зашёл слишком далеко.

Глава 10. Двойное дно

Прошло ещё три дня. Джек чувствовал себя как человек, который бежит по тонкому льду и слышит треск под ногами. Он встречался со Скоттом трижды, каждый раз принося ему новые «доказательства» и обещания. Он встречался с Рисом один раз, передавая тому фальшивые отчёты о том, что «дело почти замкнуто». Он даже ухитрился заказать фальшивое алиби для Скотта у своего старого знакомого, бармена Майка, который за тысячу долларов был готов поклясться, что Скотт сидел в его баре в ту самую ночь, когда убили Уолша.

Но Спрингфилд — это маленький город. Сплетни здесь распространялись быстрее, чем вирус гриппа. И в один из вечеров, когда Джек вернулся домой, он застал Лизу в гостиной с разложенными на столе бумагами. Это были выписки с его кредитной карты, которые она каким-то образом нашла в его столе, пока он был на работе. Он забыл запереть ящик — это была его первая ошибка за долгое время.

— Джек, — сказала она, и её голос был тихим, ледяным, совсем не похожим на тот тёплый, любящий голос, который он слышал каждое утро. — Я не хочу скандалить. Я просто хочу понять. Ты сказал, что копил на кольцо полгода. Но на этой выписке я вижу трату в десять тысяч долларов за месяц до того, как ты купил кольцо. И ещё восемь тысяч — за неделю до помолвки. Я проверяла. Я сходила в банк и по-

просила распечатку за последние два месяца. Я знаю, что ты обманул меня.

Джек замер в дверях. Его мир, который он так тщательно строил, начал рушиться вокруг него, как стены старого здания, которые разбирают по кирпичикам. Он открыл рот, чтобы соврать, чтобы придумать что-то ещё, но Лизза остановила его жестом.

— Не надо, — сказала она. — Не надо лгать мне в глаза. Я люблю тебя. И я хочу верить, что у тебя есть объяснение. Но я больше не могу жить в темноте. Скажи мне правду, Джек. Хотя бы раз. Скажи мне, что ты делаешь. Скажи мне, откуда у тебя эти деньги. И если ты скажешь мне правду, я, возможно, пойму. Но если ты снова соврёшь, я уйду.

Джек стоял перед ней, и внутри него шла битва. Всё его существо, все его инстинкты, все его годы работы адвокатом кричали ему: «Лги! Лги, спасай себя!». Но где-то там, глубоко, в той части его души, которую он называл «потерянным интеллектуалом», жил голос, который говорил: «Скажи правду. Хотя бы раз. Она заслужила правду».

Он посмотрел на её глаза. В них не было ненависти. В них была боль. Боль человека, который понимает, что его предали, но всё ещё надеется на чудо.

— Лиза, — начал он, и голос его дрогнул. — Я сделал то, о чём ты даже не догадываешься. Я защищал не того человека. Я брал деньги от того, кто был виноват. Я...

Он не договорил. В этот момент зазвонил его тайный те-

лефон, тот самый, который он использовал только для связи со Стоуном. Джек вздрогнул, как от удара током. Лиза посмотрела на телефон, потом на него, и на её лице отразилось горькое понимание.

— Это они? — спросила она. — Те люди, с которыми ты связался? Ты продался им?

— Лиза, дай мне пять минут, — сказал он, беря телефон, и вышел на кухню, чтобы ответить.

— Мистер Морган, — голос Риса был ровным, но в нём чувствовалось стальное напряжение. — У нас проблема. Старик Хейл всё-таки пошёл в полицию. Он написал заявление. Ваше имя там фигурирует. Полиция начнёт допрашивать вас через два часа. Мистер Стоун недоволен. Он говорит, что вы не справились со своей задачей. Он требует, чтобы вы исправили ситуацию.

— Как исправить? — прошептал Джек, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Сделайте так, чтобы старик исчез, — сказал Рис. — Не обязательно физически. Но его показания должны быть признаны недействительными. Вы — адвокат. Придумайте что-нибудь. У вас есть два часа.

Рис отключился, и Джек остался стоять в темноте кухни, глядя на телефон в своей дрожащей руке. Он вернулся в гостиную, но Лиза уже стояла у двери с чемоданом в руке. Она смотрела на него с такой болью, что у Джека разорвалось сердце.

— Я всё слышала, — сказала она. — Ты работаешь на убийцу. Ты покрываешь его, и ты обманываешь меня, моего сына... нет, не твоего, конечно, но я думала, что ты станешь отцом моей будущей семьи. Ты — чудовище, Джек. Ты не тот человек, за которого я собиралась выйти замуж.

Она открыла дверь и вышла, оставив его одного в пустой, тихой квартире. Джек опустился на колени, уронив голову на руки. Он услышал, как её шаги затихают в коридоре. Он услышал, как хлопнула входная дверь подъезда. И он понял, что только что потерял последнее, что держало его на плаву.

Но в его голове уже работал механизм — профессиональный, холодный, циничный механизм адвоката, который всегда знает, как выиграть, даже когда всё проиграно. Он встал, вытер лицо и достал свой старый диктофон. Он знал, что должен действовать быстро. Два часа — это срок, который он может использовать, чтобы перевернуть ситуацию. Он должен сделать так, чтобы показания старика были дискредитированы. Он найдет способ. Он всегда находил.

Но впервые в жизни он не знал, зачем он это делает. Ради денег? Ради Лизы, которая только что ушла? Ради себя самого, который больше не знал, кто он такой?

Он сел за стол, включил диктофон и начал диктовать новый план, чувствуя, как его голос звучит ровно, спокойно, профессионально, хотя внутри него всё кричало от боли.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.